

Проценко В.В. КУЛЬТУРНЫЙ АРХЕТИП И ПРАВОСЛАВИЕ

Концепция культурных архетипов основывается прежде всего на идеях "аналитической психологии" (К. Юнг)¹, "культурно-исторической теории" (Л.С. Выготский)², теории "символического интеракционизма" (Дж. Г. Кули)³, а также представлениях о культуре как ценностно-символической системе и духовной интенции в жизнедеятельности людей.

Центральным моментом аналитической психологии является положение о том, что помимо индивидуального подсознательного существует также коллективное бессознательное как отражение опыта предыдущих поколений, воплощенного в архетипах - общечеловеческих первообразах.

К. Юнг выдвинул идею существования синхронных связей, принципиально противостоящих причинным. Под синхронной, онтологической-акаузальной связью Юнг понимал не обусловленную причинно, вневременную значащую связь событий. В русле этой идеи получили трактовку и архетипы: они были наделены самостоятельным существованием, аналогичным "миру идей" Платона, выполняя одновременно функции первооснов мира и фундаментальных структур психики.

Архетипы задают общую структуру личности и последовательность образов, всплывающих в сознании при пробуждении творческой активности или попадании человека под влиянием непреодолимых жизненных препятствий в ситуацию внутреннего конфликта. В этом плане архетипы могут рассматриваться содержательно как архаические образы и переживания, а функционально - как первичные формы адаптации человека к окружающему миру.

У Юнга можно встретить различные трактовки архетипов, но общее у них следующее:

Во-первых, архетипы, имея архаический характер, проявляются в результате бессознательной деятельности на "поверхности" сознания в форме различного рода глубинных первообразов - символов.

Во-вторых, архетипы недоступны непосредственному наблюдению, они раскрываются лишь косвенно - через проекцию на внешние объекты, что проявляется в универсальной символической.

В-третьих, архетипы, которые человек воспринимает только интуитивным путем,

принципиально противостоят сознанию, и поэтому их нельзя дискурсивно осмыслить и адекватно выразить в языке.

Единственное, что, по мнению Юнга, доступно при изучении архетипов - это описание, истолкование (интерпретация) и незначительная типизация.

При решении вопроса о субстанциальной основе всеобщих первообразов - архетипов и о формах их связи с индивидуальной психикой Юнг ссылаясь на биогенетический закон Э. Геккеля о повторении филогенетических свойств в онтогенезе отдельного индивида⁴. Кроме того, он считал, что в процессе индивидуализации личность интегрирует содержание (архетипы) коллективного бессознательного.

Рассматривая вопрос о связи индивидуально-бессознательного и коллективно-бессознательного, надо учитывать не только принципы повторения или адаптации-социализации, но и принцип компенсации. Этнос как большая социальная общность представляет сложную систему, у которой в процессе филогенеза появляются свойства, какими не обладают составляющие ее элементы - индивиды. Эти свойства на уровне коллективно-бессознательного уравнивают или возмещают недостатки индивидуально-бессознательного.

Культурно-историческая теория в психологии сформировалась на основе критического осмысления опыта гештальтпсихологии, операциональной концепции интеллекта Ж. Пиаже⁵ и семиотики.

Согласно культурно-исторической теории, главная закономерность онтогенеза психики человека состоит в интериоризации структуры его внешней, социально-символической (то есть совместно с другими и опосредованной знаками) деятельности. В результате этого "натуральная" структура психических функций, опосредованная интериоризированными знаками, становится "культурной".

В ходе интериоризации структура внешней социально-символической деятельности трансформируется и сворачивается, с тем чтобы вновь трансформироваться и развернуться в процессе экстериоризации.

В качестве универсального орудия, изменяющего психические функции человека, в культурно-исторической теории выступает

языковой знак - слово. Тем самым механизм социализации, например у Л.С. Выготского⁶, связывался преимущественно с усвоением знаково-символических (языковых) форм.

Символический интеракционизм изучает социальные взаимодействия в их символическом содержании. Для этого направления характерно индетерминистское видение социальных взаимодействий, трактуемых как постоянное определение и переопределение участниками интеракции ситуаций взаимодействия, как процесс выработки и изменения социальных значений.

В XX в. попытка создания философской теории символа была предпринята Э. Кассирером в "Философии символических форм", где он дал феноменологический анализ различных культурно-символических миров (мифа, языка, науки) как форм внешней манифестации и самопознания человеческого духа⁷.

К. Леви-Стросс (французская школа функционализма) показал наличие элементов изоморфизма между природными, социальными и ментально-символическими структурами. Ему же принадлежит концепция существования особой бессознательной логики архаического мышления (логики бриколажа), основанной на символическом отражении и осмыслении реальности.

Символ - образ, являющийся представителем других образов, содержаний, отношений; понятие, фиксирующее способность материальных вещей, событий, а также чувственных образов выражать идеальное содержание, отличное от их непосредственного, чувственно-телесного бытия.

В современной культурологии наиболее активно конкурируют две научно-исследовательские программы, различающиеся пониманием того, что такое культура и каковы возможные способы ее изучения. В основе одной из них лежит деятельностный подход к пониманию культуры как духовного кода жизнедеятельности людей, основы адаптации и самодетерминации индивида.

Другая парадигма ориентирована на ценностный подход, рассматривающий культуру как сложную иерархию идеалов и смыслов.

Несмотря на различные интерпретации, общим для деятельностного и ценностного подходов является то, что в их рамках культура или постигается через изучение области символического, или сводится к этой области, поскольку символ является тем средством реализации ценностей и смыслов культуры, которое наиболее доступно для непосредственного изучения. Тем более что смысл - это специфическая форма выражения деятельности человека в соответствии с теми или иными ценностями и идеалами.

Культура всегда связана с прошлым, и поэтому она, представляя собой негенетическую коллективную память, подразумевает сохранение предшествующего духовного опыта, непрерывность нравственной и интеллектуальной жизни людей.

Эта память запечатлевает любимые у каждого народа, повторяющиеся из века в век идеи и образцы, сквозные мотивы поведения и типы мышления, устойчивые комплексы представлений и переживаний, которые в совокупности создают общую, внеисторическую топику, построенную на минимальном количестве культурных констант.

Поэтому культура представляет собой, как считает Ю.М. Лотман, с одной стороны, определенное количество текстов, а с другой - унаследованных символов, пришедших из глубины веков⁸.

Синтез идей аналитической психологии, культурно-исторической теории, символического интеракционизма, деятельностной и ценностной концепций культуры позволяют дать следующее определение культурных архетипов.

Культурные архетипы - архаические культурные первообразы, представления-символы о человеке, его месте в мире и обществе; нормативно-ценностные ориентации, задающие образцы жизнедеятельности людей, проросшие через многовековые пласты истории и культурных трансформаций и сохранившие свое значение и смысл в нормативно-ценностном пространстве современной культуры.

Культурные архетипы - это глубинные культурные установки "коллективного бессознательного", с трудом поддающиеся изменению. Характерные черты культурных архетипов - устойчивость и неосознанность. Люди, как правило, не рефлексируют по поводу собственных культурных архетипов, которые работают на сохранение культурного генофона того или иного народа.

Культурные архетипы дают о себе знать во всех сферах жизнедеятельности человека, но более всего они проявляются в его повседневной жизни. При этом, как отмечал Юнг, когда представляется ситуация, которая соответствует данному архетипу, архетип активизируется, и развивается принудительность, которая, подобно силе инстинкта, прокладывает себе дорогу, вопреки разуму и воле.

Люди разные, человек меняется, но чтобы представить логику и смысл поведения, надо изучать культурные архетипы. Именно поэтому культурный архетип иногда рассматривают как информацию, обладающую социально-управляющей ценностью.

Поскольку культурные архетипы недоступны непосредственному наблюдению, то их можно изучать следующими способами.

Архетипы функционально рассматриваются как первичные, архаические формы адаптации человека к окружающей реальности. Поэтому изучать культурные архетипы можно путем реконструкции влияния этой реальности (географической, геополитической, хозяйственной, социальной, политической, религиозной, культурной) на их формирование.

Культурные архетипы имеют символическую природу и обнаруживаются в области смысловых, ценностных ориентаций. Это позволяет

истолковывать и типизировать архетипы через постижение области символического.

Культурные архетипы особенно отчетливо проявляются в комплексах-аффектах, вызванных ситуациями-раздражителями или словами-раздражителями и являющихся формами субъективного проживания человеком своих архетипических структур. Интерпретация реакции человека на эти раздражители также дает возможность для выявления культурных архетипов.

Большое влияние на формирование славянского культурного архетипа оказало принятие в X в. христианства, которое пришло на Русь из Византии в православной форме.

Принятие той или иной религии в качестве государственной и национальной влечет за собой далеко идущие последствия не только в сфере веры, но и во всей духовной жизни. Давно замечено, что любая национальная культура заимствует только те элементы чужих культур, к восприятию которых она уже подготовлена всем ходом собственного развития, то есть имеет некий горизонт культурных ожиданий.

Православие, включив в свою сферу все общество, не захватывало человека целиком. Проникновение православия в толщу народной жизни не было всеобъемлющим. Оно руководило лишь религиозно-нравственным бытом, регулировало времяпрепровождение и праздничное настроение, семейные отношения, слабо отражаясь в ежедневном обиходе, не оставляя заметных следов в будничных привычках и понятиях, предоставляя простор самобытному национальному творчеству, основанному на языческой экзальтации почвы и духа.

Восточно-христианское влияние осуществлялось прежде всего через культуру. Византия создала уникальную культуру. Взяв важнейшие моменты человеческого бытия - рождение, смерть, обращение души к Богу, - она окружила их такой высокой поэзией, возвела их к такому великому смыслу, к какому они до тех пор не возводились.

В восточно-христианской культуре земное существование человека, рассматривавшееся как эпизод на пороге вечной жизни, не представляло самоценности. Поэтому основной жизненной задачей была подготовка человека к смерти, которая расценивалась как начало этой жизни. В качестве смысла земного существования человека признавались духовные стремления к смирению и благочестию, ощущение собственной греховности и аскетизм.

Отсюда в православной культуре появилось пренебрежение к земным благам, поскольку они ничтожны и скоротечны, отношение к труду не как к средству созидания и творчества, а как способу самоуничтожения и дисциплины.

На основе противопоставления божественного (скрытого) и земного (доступного непосредственному восприятию) в византийской культуре особенно отчетливо обнаруживалось стремление к вскрытию истинного (мистического)

КУЛЬТУРНЫЙ АРХЕТИП И ПРАВОСЛАВИЕ

смысла явлений. Из иллюзорного обладания истиной вытекала нетерпимость, закрепленная в православном культурном архетипе, ко всякого рода инакомыслию, которое трактовалось как ересь, как уклонение от благого пути.

Рассматривая свою культуру как высшую, византийцы сознательно ограждали себя от иноземных влияний, в том числе и культурных. Эта нормативно-ценностная автаркия на уровне "коллективного бессознательного" порождала в православном культурном архетипе черты мессианизма.

С православием на русскую почву была перенесена и идея соборности, под которой обычно подразумевается коллективное житнетворчество и согласие, единодушное участие верующих в жизни мира и церкви. В этом смысле соборность противопоставлялась индивидуальному мудрствованию с его рассудочной, по православным представлениям, абстрактной спекуляцией.

Соборное переживание и поведение ориентировалось не на рассудок, а на движение сердца и эмоции, - но в то же самое время стремилось всегда к конкретности, осязательности религиозных актов, к их согласованию с обычаем, исконными привычками, а не с отвлеченными принципами.

Восточно-христианской соборности, духовному синтезу ("всеединству") соответствовала и глобальная форма прагматизма, часто переживаемого как своеобразный религиозный экстаз. Особенностью православной России в этом плане был прагматический подход к разного рода философским концепциям, в особенности к социальным доктринам, воплощение которых в жизнь сопровождалось доведением определенной тенденции до последнего предела.

Православная традиция соборной интеграции нашла выражение и в характерном для русской культуры сращивании понятий красоты, добра и мудрости в слове "благолепие". Эту особенность православного мирозерцания С. Булгаков определил как видение умной красоты мира⁹.

Православие, духовно организуя религиозно-нравственный быт русского народа, способствовало усвоению им такой системы духовных ценностей, которая, наложившись на языческую культурную среду, привела к формированию особого - иоанновского, мессианского - типа русского человека.

В православии очень сильно выражена эсхатологическая сторона христианства. Поэтому иоанновский человек в значительной степени апокалиптик или нигилист. Он обладает в связи с этим чутким различием добра и зла, зорко подмечает несовершенство земных поступков, нравов, учреждений, никогда не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенного добра.

Вечный поиск идеала - благодатная почва для возникновения различного рода социальных утопий и мифов. Иоанновский, мессианский человек чувствует себя призванным создать на земле высший, божественный порядок,

восстановить вокруг ту гармонию, которую он ощущает в себе. Поэтому его одухотворяет не жажда власти, но настроение примирения и любви. Иоанновским человеком движет чувство некоей космической одержимости. Он ищет разобщенное, чтобы его воссоединить, осветить и освятить.

¹ Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного// Вопросы философии. - 1988. - № 1.

² Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. - Т.3 Проблемы развития психики/ Под ред. А.М.Матюшкина. - М.: Педагогика, 1983.

³ Культурология/ Под ред. Г.В.Драча.- Ростов- на-Дону: Феникс, 1998.

⁴ Геккель Э. Современные знания о филогенетическом развитии человека. - Спб., 1899.

⁵ Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. Классификации и сериации. - М.: Изд. иностр. лит., 1963.

⁶ Выготский Л.С. Психология искусства. - М.: Педагогика, 1987.

⁷ Басин Е.Б. Семантическая философия искусства (Критический анализ). - М.: Мысль, 1973.

⁸ Лотман Ю.М. Символ в системе культуры// Труды по знаковым системам. XXI. - Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1987.

⁹ Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. - М.: Терра, 1991.